

то переливался на немъ румянецъ. И долго еще онъ не могъ ничего проговорить, созерцая въ душѣ дивное посѣщеніе Божіе и улаждаясь благодатными его утѣшеніями.

Ревность преп. Серафима къ подвигамъ, его вѣра, любовь и надежда на Бога, все сильнѣе укрѣплялась такими небесными утѣшеніями. Но подумай онъ только о себѣ, будто теперь онъ уже святъ, достигъ совершенства жизни и не нуждается въ дальнѣйшемъ преуспѣваніи,—тогда всѣ его труды предъ Богомъ превратились бы въ тщету и ничтожество, рассыпались бы какъ прахъ, возметаемый вѣтромъ. Однако онъ имѣлъ хорошихъ воспитателей въ иноческой жизни, къ которымъ питалъ глубокое довѣріе.

На вопросы Пахомія и Іосифа, что такое было съ нимъ, онъ рассказалъ имъ о своемъ видѣніи. Они сложили этотъ рассказъ въ сердцѣ своемъ, а преп. Серафиму внушили, чтобы онъ не возгордился, не далъ въ своей душѣ мѣста пагубной мысли о какомъ-нибудь своемъ достоинствѣ предъ Богомъ. И преп. Серафимъ утвердился въ духовномъ состояніи самоуничтоженія и смиренномудрія.

Огражденный смиреніемъ, преп. Серафимъ восходилъ отъ силы въ силу въ духовной жизни. Его смиренномудріе, иноческіе труды, прежде совершенные, теперь стали какъ будто замѣтнѣе, тверже.

Въ Саровскомъ лѣсу онъ выстроилъ себѣ уединенную келію. Вечеромъ онъ уходилъ туда и всю ночь проводилъ въ молитвѣ, а рано утромъ опять являлся въ монастырь для исполненія своихъ обязанностей.

Въ 1793 г. 2 сентября, въ Тамбовѣ, епископъ Теофилъ рукоположилъ преп. Серафима въ іеромонахи.

Въ санѣ іеромонаха онъ продолжалъ въ теченіе долгаго времени непрерывное священнослуженіе, пріобщаясь ежедневно, съ горячею любовію и благоговѣніемъ Св. Христовыхъ Таинъ.

Въ это время до удаленія преп. Серафима въ пустыню въ окрестныхъ мѣстахъ Сарова былъ голодъ. Но обитель въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ питала ежедневно по тысячи человѣкъ.

И вотъ однажды случилось такъ, что и для иноковъ обители не осталось ни муки, ни жита. Вся братія собралась въ церковь. Пахомій соборнѣ служилъ молебень Божіей Матери и всенощное бдѣніе. Утромъ на другой день, преп. Серафимъ, по особому довѣрію Пахомія, пошелъ въ житницу и нашель, что всѣ закромы наполнены разнымъ хлѣбомъ и житомъ. Съ той поры во все продолженіе голода по окрестностямъ, въ обители не было оскуденія, сколько не раздавали нуждавшимся, — житницы снова наполнялись.

Потомъ преп. Серафимъ совсѣмъ удалился въ пустыню. Въ немъ было сильное стремленіе къ удаленію отъ міра для непосредственнаго единенія со Христомъ.

Отъ непосредственнаго келейнаго бдѣнія и отъ постояннаго пребыванія на служеніяхъ въ церкви въ продолженіи многихъ лѣтъ, у преп. Серафима стали болѣть ноги. Но онъ не отдыха искалъ, а больщихъ и тягчайшихъ трудовъ.

Старець Пахомій благословилъ его на пустынную жизнь. Это было его послѣднее благословеніе, онъ въ это время былъ нездоровъ и готовился къ смерти. Преп. Серафимъ служилъ ему съ самоотверженіемъ и горько оплакивалъ его кончину. Утѣшеніемъ ему въ разлукѣ съ Пахоміемъ, было назначеніе строи-

телемъ старца Исаи, котораго также глубоко любилъ и уважалъ преп. Серафимъ.

И вотъ послѣ смерти Пахомія, съ благословенія новаго настоятеля Исаи, преп. Серафимъ 1774 г. 20 ноября, въ день прихода въ Саровскую пустынь, удалился въ пустынную келію въ лѣсу.

Келія, въ которой спасался преп. Серафимъ, находилась въ частомъ сосновомъ дремучемъ лѣсу, на берегу рѣки Саровки, на высокомъ холмѣ, верстѣ за 5 отъ монастыря. Она была построена изъ дерева и состояла изъ одной комнаты съ печкою. Въ комнату нужно было проходить черезъ сѣнцы, къ которымъ придѣлано было крылечко. Вокругъ келіи устроенъ былъ огородъ съ грядями. Все это пространство обнесено было заборомъ. У него былъ заведенъ и пчельникъ, доставлявшій медъ самый вкусный.

На разстояніи двухъ верстѣ отъ преп. Серафима жили въ уединенныхъ хижинахъ другіе отшельники саровскіе: игумень Назарій, іеромонахъ Дорошея, схимонахъ Маркъ. Преп. Серафимъ называлъ свой пустынный холмъ Аѳонскою горою, и другія самыя уединенныя мѣста въ лѣсу въ духовномъ смыслѣ назывались у него именами разныхъ св. мѣстъ Палестины.

Тѣлесные труды преп. Серафима, по различію времени теплаго и холоднаго, были различны. Въ холодную пору онъ своими руками приготовлялъ дрова, носилъ въ хижину и согрѣвалъ ее. Въ этомъ случаѣ онъ добровольно переносилъ холодъ и морозъ, потому что одежда у него и на зимнее время оставалась та самая, въ которой онъ ходилъ лѣтомъ. Въ лѣтнее время онъ воздѣлывалъ гряды на своемъ пустынномъ огородѣ. Чтобы удобрить землю, онъ ходилъ въ жаркіе дни на болотистыя мѣста,

тамъ собиравъ мохъ и носилъ на грады. Въ низменные мѣста онъ входилъ безъ одежды, препоясавъ лишь чресла свои, то насѣкомыя жестоко уязвляли его тѣло, отчего оно опухало, по мѣстамъ синѣло и запекалось бровью.

Удобривъ землю мхомъ преп. Серафимъ воздѣлывалъ безъ посторонняго пособія грады, сажалъ на нихъ сѣмена, поливалъ землю, очищалъ отъ худой травы и произращалъ нѣкоторые овощи, употребляя ихъ для подкрѣпленія силъ своихъ. Онъ не обременялъ ничѣмъ обители.

Потомъ онъ не сталъ употреблять хлѣба насущнаго, а по благословенію настоятеля Исаи, питался одними овощами своего огорода. Это были картофель, свекла, лукъ и трава, называемая снить.

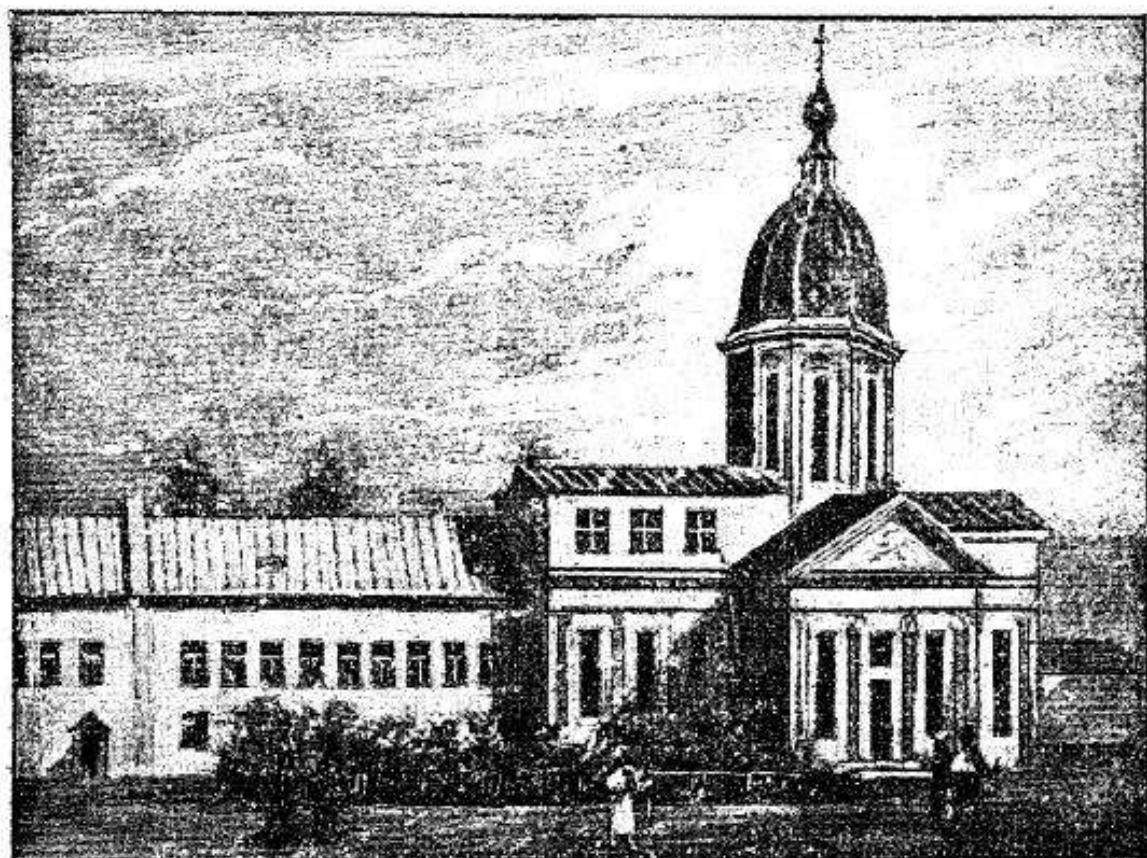
Въ теченіе первой недѣли Великаго поста, онъ вовсе не принималъ пищи до причащенія Св. Таинъ въ субботу. Потомъ совсѣмъ переставши брать хлѣбъ изъ обители, онъ жилъ безъ всякаго содержанія отъ нея болѣе двухъ съ половиною лѣтъ.

Братія, удивляясь, недоумѣвала, чѣмъ могъ питаться преп. Серафимъ во все это время, не только лѣтомъ, но и зимою. Онъ же скрывалъ свои подвиги отъ людей. Но предъ смертью онъ открылъ это одной довѣренной особѣ.

— Ты знаешь снитку?—сказалъ преп. Серафимъ— траву снить? Я рвалъ ее, да въ горшочекъ клалъ; не много, бывало, вольешь въ него водицы и поставишь въ печку—славное выходило кушанье!

Неотступно три года онъ питался одною этою травою.

Въ жизни подвижника, тѣлесные труды имѣли нравственное значеніе. Съ тѣлеснымъ упражненіемъ силъ онъ всходилъ въ состояніе благодушія, кото-

Больничная церковь св. Зосимы и Савватія, въ которой преп. Серафимъ обыкновенно причащался Св. Таинъ Христовыхъ.

Къ стр. 52.

Преп. Серафимъ благословляетъ народъ по выходѣ изъ храма.

Къ стр. 53.

рое изливалось въ пѣніи. Онъ зналъ наизусть множество церковныхъ пѣсней, которыми и освѣжалъ свой духъ среди однообразія тѣлесныхъ занятій. Преп. Серафимъ, занимаясь какой-либо работой въ огородѣ, или на пасекѣ, или въ лѣсу, незамѣтно для себя, на нѣкоторый срокъ, прерывалъ ее; орудія падали изъ рукъ, руки опускались, глаза придавали лицу крѣпкій характеръ самоуглубленія.

Онъ уходилъ умомъ на небо и виталъ въ Бого-созерцанія. Никто не смѣлъ въ эти вдохновенныя минуты нарушить его сладкой тишины; съ благоговѣніемъ каждый взиралъ на старца и тихо скрывался отъ него.

Онъ былъ представителемъ въ наше время древне-православнаго подвижника, который значительную часть своего духовнаго дѣла поставлялъ въ духовномъ созерцаніи. Многие стали посѣщать преп. Серафима въ его пустынной келии. Приходили и женщины. Посѣщеніе женщинъ онъ считалъ для себя неудобнымъ въ томъ смыслѣ, что инымъ изъ братіи, а еще болѣе изъ мірянъ, оно могло служить камнемъ претыканія и соблазна. Но и отказъ женщинамъ въ назиданіи могло быть дѣломъ неудобнымъ Богу.

Онъ молился Богу и Пресвятой Богородицѣ, чтобы его желаніе исполнилось и женщинамъ былъ запрещенъ входъ на его холмъ. Онъ молился, если это не противно волѣ Господней, чтобы Богъ далъ свое знаменіе на то преклоненіемъ древесныхъ вѣтвей по его изволенію.

Ночью на 26 декабря онъ пошелъ въ обитель къ литургіи, и дойдя до мѣста, гдѣ грунтъ земли грубо спускается внизъ, отчего гора и названа имъ Афонскою, увидѣлъ, что съ обѣихъ сторонъ тропинки огромныя сучья съ вѣковыхъ сосновыхъ

деревъ завалили дорожки и ходу нѣту, а съ вечера ничего такого не было. Онъ упалъ на колѣна поблагодарилъ Бога, что женамъ на его гору не будетъ входа. Онъ перелѣзъ сучья, завалившіе тропинку. пришелъ въ обитель, и за литургіей испросилъ благословенія у Исаи, чтобы женамъ не было входа на его гору. Тогда преп. Серафимъ самъ завалилъ колодами тропинку въ себѣ, и не только женщинамъ, но и всѣмъ постороннимъ людямъ, входъ къ нему былъ закрытъ.

Чтобы постоянно держать себя на стени созерцанія, преп. Серафимъ, кромѣ тѣлесныхъ трудовъ, предавался возвышеннымъ занятіемъ ума и сердца, и читалъ много книгъ. Самою первою книгою для него было теперь св. Евангеліе, которое онъ носилъ всегда при себѣ. Молитва Іисусава была также съ нимъ неразлучна. Истинное наслажденіе его состояло въ чтеніи Евангелія. Въ поведѣльникъ онъ прочитывалъ все Евангеліе отъ Маттея, во вторникъ отъ Марка, въ среду отъ Луки, въ четвергъ отъ Іоанна, а на прочіе дни распредѣлялъ Дѣянія и Посланія апостольскія.

Кромѣ священнаго Писанія, преп. Серафимъ искалъ себѣ мудрости въ твореніяхъ св. отецъ Православной церкви, и на этотъ разъ душа его ограничивалась писаніями собственно подвижническаго содержанія, такими, какъ творенія Іоанна лѣствичника, преподобнаго Варсофія, Ефрема Сирина и Исаака Сирина, Маргарить и другія.

Въ своемъ пустынномъ уединеніи преп. Серафимъ прочиталъ все Свящ. Писаніе, и зналъ его превосходно, какъ и многія творенія св. отецъ.

Миръ душевный, умиленіе и даръ глубокаго веденія слова Божія, были ему наградою отъ Бога за этотъ трудъ.

Третьимъ занятіемъ преп. Серафима въ пустынь были молитвословія. Съ нимъ находилась Псалтирь съ возслѣдованіями. Подвижникъ совершалъ по ней ежедневно монашеское правило по чину первыхъ пустынножителей.

Одежду въ это время онъ носилъ самую простую. На немъ былъ балахонъ изъ бѣлаго полотна, на груди мѣдный крестъ, на головѣ черная шапочка изъ брашенины, на плечахъ темная, кожаная полумантия, на спинѣ лежала сумка, въ которой онъ носилъ всегда св. Евангеліе. На руки онъ надѣвалъ кожаныя рукавицы, а на ноги кожаныя бахилы, — въ родѣ чулокъ и поверхъ ихъ надѣвались ланты. Въ одной рукѣ онъ держалъ топорикъ, а въ другой корягу, корявую палку изъ толстой еловой или сосновой вѣтки.

Послѣдніе годы жизни зимой онъ носилъ шубу, а на ногахъ кожаные низенькіе сапоги.

Для сердца всякаго православнаго христіанина, вѣрующаго и любящаго, дорогъ и незабвененъ образъ преподобнаго отца Серафима, тотъ дивный образъ, когда онъ ходилъ по своей пустыни! Вотъ вѣтся тропинка на берегу рѣки Саровки... Вправо и сзади лѣсъ, онъ раскинулся причудливыми видами... Гигантскія сосны, какъ дорическія колонны, поднимаются въ своей величавой стройности, а темно-зеленныя ели стоятъ разукрашенныя своими иглами, какъ бахрамой... Вдали кое-гдѣ выглядываютъ маленькіе дубочки и съ своими тонкими бѣлыми стволами кудрявыя березки... А здѣсь близко отъ дорожки, словно разбѣжались маленькія и совсѣмъ крошечныя елочки... Онѣ точно спорять, спорять наивно о красотѣ съ синими, бѣлыми, желтыми и красными цвѣточками, весело разсыпавшимися по густой, яркой, изумрудной травѣ... Лазурное небо

смотреть безконечное и бездонное, посылая въ лучахъ солнца свѣтъ и счастье... Все здѣсь дышитъ умиротвореніемъ и жизнерадостностью. Здѣсь вѣетъ чистотой, духовной, неизъяснимой прелестью, отрадной патриархальностью... Эта картина нераздѣльна съ образомъ отца Серафима.

Вотъ идетъ отецъ Серафимъ по тропинкѣ... Согбенный, но бодрый и крѣпкій духовными силами... Миръ, глубокий, отрадный миръ, дышитъ во всемъ его существѣ. Живой, возвышенный покой отражается на его свѣтломъ лицѣ, и въ ясныхъ, голубыхъ глазахъ сіяетъ святая любовь къ всякому созданію Божію... Свѣтлый старецъ одной рукой опирается на ходу на вѣтку, въ другой держитъ топорикъ; на спинѣ у него за плечами сумка, въ которой онъ несетъ съ собой святое евангеліе... Онъ въ бѣломъ балахонѣ, кожаной полумантии, въ черной шапочкѣ, на его ногахъ надѣты лапти...

Умиленіе, отраду возбуждаетъ въ сердцѣ этотъ свѣтлый, полный любви, образъ!.. И сердце стремится къ нему, молится, ищетъ въ немъ утѣшенія...

Вначалѣ своей жизни въ пустыни, преп. Серафимъ питался хлѣбомъ черствымъ и сухимъ. Хлѣбъ обыкновенно онъ бралъ съ собою изъ обители по воскресеньямъ на цѣлую недѣлю.

Часть изъ этого хлѣба онъ удѣлялъ пустыннымъ животнымъ и птицамъ, которыя были приласканы имъ, очень его любили и посѣщали мѣсто его молитвъ. Однажды іеродіаконъ Александръ былъ самовидцемъ одного событія. Преп. Серафимъ исполнялъ правило Пахомія великаго въ полночи, и потомъ шѣлъ полунощницу. Въ это время собрались къ его келіи медвѣди, волки, лисицы, зайцы, и другіе звѣри, какія были въ лѣсу Саровскомъ.

Даже подползли ящерицы, змѣи, ужи. Всѣ они, по роду своему подавали голосъ. По окончаніи молитвы преп. Серафимъ вынесъ изъ келіи корзинку съ хлѣбомъ, и накормилъ звѣрей и гадовъ пресмыкающихся. Пораженный этимъ, Александръ, спросилъ:

— Отецъ, какъ у тебя достаетъ хлѣба, для такого множества животныхъ?

— Я всегда нахожу въ корзинкѣ, — отвѣчалъ ему преп. Серафимъ, — столько хлѣба, сколько нужно бываетъ для ихъ насыщенія.

Многіе видѣли громаднаго медвѣдя, который ходилъ къ жилищу старца. Когда встрѣчавшіеся пугались звѣря, тогда медвѣдь тотчасъ же уходилъ въ чащу лѣса, не обращая ни на кого вниманія.

Одинъ разъ Саровскій инокъ Петръ, и другой разъ Матрена Плещеева, старица Дивѣвскаго монастыря, которой отецъ Серафимъ велѣлъ прійти къ себѣ по дѣлу въ дальнюю пустынь, увидали Серафима, сидящимъ на нѣ въ лѣсу. Напротивъ его стоялъ медвѣдь, котораго онъ кормилъ хлѣбомъ. Лицо старца было свѣтло, какъ у ангела. Старецъ успокоилъ пришедшихъ, чтобы они не боялись медвѣдя и сказалъ:

— Святому Герасиму Іорданскому служилъ левъ, а убогому Серафиму медвѣдь служить.

По буднямъ спасаясь въ пустыни, преп. Серафимъ на банунѣ праздниговъ и дней воскресныхъ являлся въ обитель, слушалъ вечерню, всеобщее бдѣніе и за раннею литургіею въ больничной церкви св. Зосимы и Савватія причащался св. Христовыхъ Таинъ. Затѣмъ до самой вечерни онъ принималъ въ своей монастырской келіи приходившихъ къ нему, по нуждамъ духовнымъ, изъ монастырской братіи. Во время вечерни, когда братія

оставляла его, онъ взявъ съ собою хлѣба на недѣлю, удалялся въ свою пустыню. Всю первую недѣлю великаго поста онъ проводилъ въ обители. Въ эти дни онъ говѣлъ, исповѣдывался и причащался св. Таинъ. Духовникомъ его съ давняго времени былъ строитель—старецъ Исаія.

Другіе пустынножители имѣли при себѣ по одному ученику, которые и служили имъ. Преп. Серафимъ жилъ въ совершенномъ одиночествѣ. Нѣкоторые изъ Саровской братіи пытались сожителствовать съ дивнымъ отшельникомъ въ пустыни и были приняты имъ; но не одинъ изъ нихъ не могъ вынести трудностей пустынножеской жизни; ни въ комъ не нашлось столько нравственной брѣпости, чтобы явиться въ качествѣ ученика, подражателемъ подвиговъ преп. Серафима. Тѣ, которые поселялись было съ нимъ, возвращались опять въ обитель. Послѣ кончины преп. Серафима, нашлись нѣкоторые люди, дерзновенно объявлявшіе себя учениками, но при его жизни, они въ строгомъ смыслѣ учениками не были, и названіе «Серафимовъ ученикъ» въ то время не существовало.

Во время пребыванія его въ пустыни, говорили тогдашніе Саровскіе старцы, вся братія была его учениками.

Многіе изъ Саровской братіи временно приходили къ нему въ пустынь. Отъ нѣкоторыхъ онъ удалялся, желая сохранить молчаніе, а имѣющимъ вужду до него не отказывалъ въ духовной пищѣ, съ любовію руководствуя ихъ къ истинѣ, добродѣтели и благоустроению жизни. Изъ постоянныхъ посѣтителей преп. Серафима извѣстны схимонахъ Маркъ и іеродіаконъ Александръ, также спасавшійся въ пустыни. Маркъ бывалъ у него два раза въ мѣсяць, а Александръ—одинъ разъ въ мѣсяць.

Преп. Серафимъ любилъ съ ними бесѣдовать о непрестанной внутренней или устной молитвѣ, ея силѣ и значеніи, — ученіе, которое стало извѣстно преп. Серафиму не изъ книгъ, а изъ собственнаго опыта жизни.

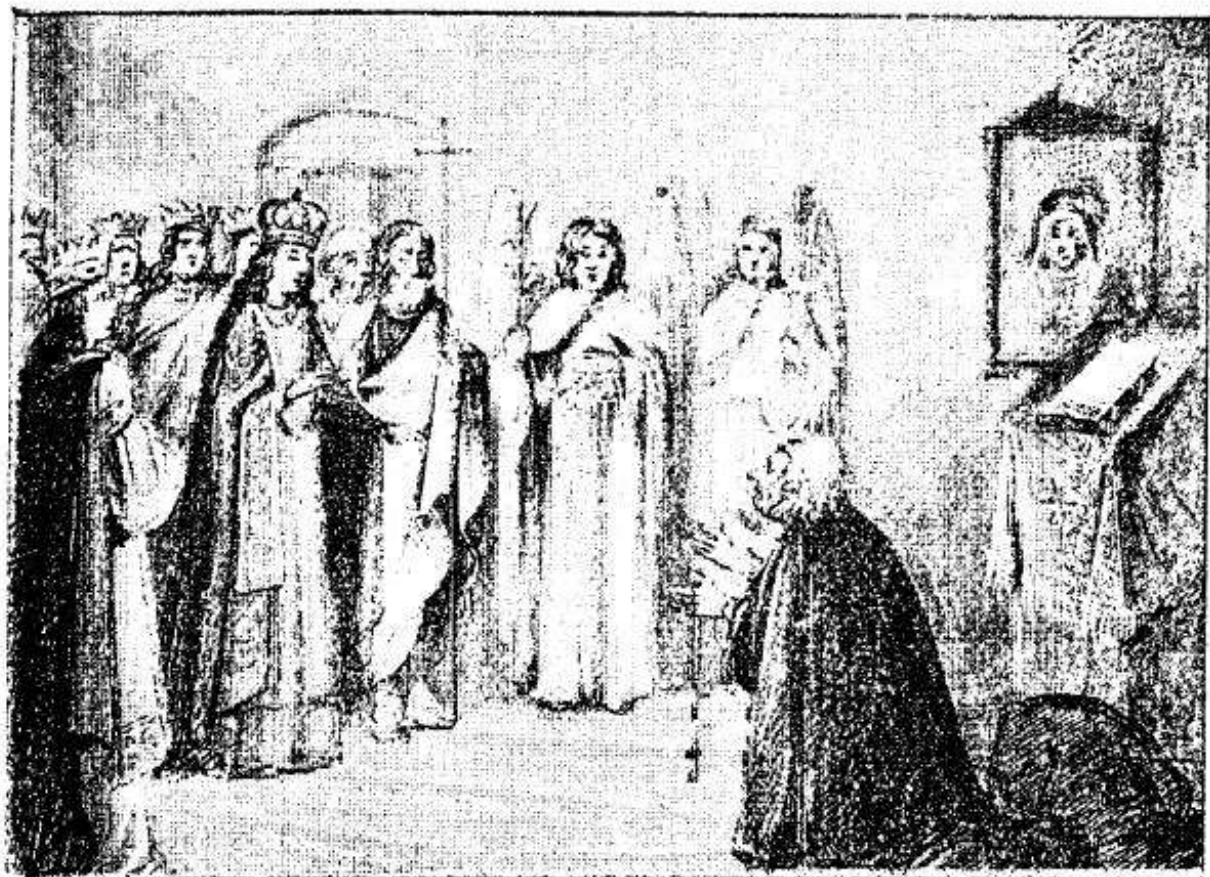
Изъ постороннихъ посѣтителей преп. Серафима въ это время особенно извѣстенъ одинъ Нижегородской губерніи діаконъ, человекъ образованный, впоследствии іеромонахъ и подвижникъ Тимонъ.

Пустынножителямъ Марку и Александру приходилось находить преп. Серафима совершенно погруженнымъ въ богомысліе. Въ такомъ случаѣ, не рѣшаясь нарушать его духовныхъ занятій, они ожидали, невѣдомо для старца, окончанія ихъ. Бывало и такъ, что, подождавъ около часа, они не получали свиданія съ нимъ, уходили въ свои мѣста, не смѣя нарушить чуднаго созерцанія старца.

Если когда преп. Серафимъ неожиданно встрѣчалъ кого-либо въ Саровскомъ лѣсу, то, обыкновенно, не вступая въ бесѣду, со смиреніемъ кланялся ему и удалялся прочь. На людей лично не знавшихъ преп. Серафима, такая внезапная встрѣча съ нимъ въ пустынной мѣстности производила чудное впечатлѣніе, никогда неизгладимое, и нерѣдко научала ихъ добродѣтели, не менѣе самой его бесѣды.

Дьяволъ, исконный врагъ всякаго добра, вооружился противъ преп. Серафима разными искушеніями. Начиная съ легкихъ искушеній, онъ сперва наводилъ на подвижника разныя *страхованія*, — внушалъ ему страхъ, стараясь проникнуть его этимъ страхомъ и напугать его.

Такъ однажды во время молитвы, онъ услышалъ вдругъ за стѣнами келіи вой звѣря; потомъ словно

Явленіе Пресвятой Богородицы преп. Серафиму въ день
Благовѣщенія.

Къ стр. 26.

Кончина преп. Серафима на молитвѣ передъ иконою Богоматери.

Къ стр. 72.

толпа народа начали ломать дверь келіи, выбили у двери косяки и бросили къ ногамъ молящагося старца толстый вѣркъ,—отрубокъ дерева, который восемью человѣками съ трудомъ былъ потомъ вынесенъ изъ келіи. Въ другіе моменты, и днемъ, особенно-же ночью, во время стоянія на молитвѣ, ему видимо вдругъ представлялось, что келія его разваливается на четыре стороны. Такъ какъ старецъ не поддавался страху, то діаволь еще сильнѣе вооружился на него.

Такъ, по попущенію Божію, онъ поднималъ старца на воздухъ и оттуда съ такою силою ударялъ объ полъ, если бы не ангель-хранитель, самыя кости отъ ударовъ могли бы сокрушиться. Но и этимъ діаволь не одолѣлъ старца.

Въ одно время, когда преп. Серафимъ простеръ моленіе за одну несчастную погибающую душу, которая была какъ бы въ когтяхъ у самаго сатаны, и, по его ходатайству предъ Господомъ и Царицею Небесною, онъ увидѣлъ ее и потомъ летящею уже совершенно чистою голубицею; полчище сатанинское, не стерпя своей потери, излило на него всю свою злобу и поразило самого подвижника. Онъ впоследствии разсказывалъ одному Саровскому послушнику Іоанну, который его благоговѣнно любилъ, объ этомъ ужасномъ событіи и въ удостовѣреніе далъ ему осязать эту язву, нанесенную ему отъ злобнаго духа, но уже, по словамъ о. Серафима, исцѣленную. Эта язва была на его спинѣ, между лопатками, совершенно мягкая и походила на отвислый кусокъ мяса, величиною съ гусиное яйцо. Давъ ему ее видѣть и осязать, старецъ еще прибавилъ, что боль отъ этой проказы такъ жестока, какъ бываетъ пальцу, когда его положишь на горящую

свѣчу и, притомъ, если бы онъ горѣлъ, но не сгоралъ.

И если бы не Господь и Матерь Божія исцѣляли меня, говорилъ преп. Серафимъ,—то никто не могъ бы исцѣлить. Побѣдивъ всѣ искушенія бѣсовскія, силою крестнаго знаменія и молитвъ, отшельникъ долгое время пребывалъ потомъ мирно въ своей пустынѣ. Однако, онъ всегда готовъ былъ на новый подвигъ злостраданія и борьбу съ искушеніями. Вѣроятно, при искушеніяхъ онъ духовнымъ окомъ своимъ, проникавшимъ въ горній міръ, видѣлъ самыхъ злыхъ духовъ. Можетъ быть, духи злобы и сами видимо въ тѣлесныхъ образахъ являлись ему, какъ и другимъ подвижникамъ... По крайней мѣрѣ, замѣтно, что старецъ точно видалъ злыхъ духовъ.

Одинъ мірянинъ въ простотѣ сердца спрашивалъ его:

— Батюшка, видали-ли вы злыхъ духовъ?

Преподобный съ улыбкою отвѣчалъ:

— Они гнусны... какъ на свѣтъ ангела взглянуть грѣшному невозможно, такъ и бѣсовъ видѣть ужасно, потому что они гнусны.

Духовное начальство понимало, какъ полезно было бы для многихъ сдѣлать такого старца настоятелемъ гдѣ нибудь въ обители. Открылось мѣсто архимандрита въ городѣ Алатырѣ. Преп. Серафима предназначили было туда настоятелемъ монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Но отецъ Серафимъ убѣдительношимъ образомъ просилъ тогдашняго Саровскаго настоятеля Исаію отклонить отъ него это назначеніе. По просьбѣ преп. Серафима всѣ стали просить другого іеромонаха изъ Сарова же, старца Авраамія, принять на себя званіе архимандрита въ Алатырскомъ монастырѣ, и братъ,

единственно изъ повиновенія, принялъ на себя это званіе.

Исаи и братіи Саровской жаль было отпустить отъ себя преп. Серафима, усерднаго молитвенника.

Въ другой разъ преп. Серафима предназначили строителемъ въ Краснослободскій Спасскій монастырь. Но и въ настоящемъ случаѣ, по просьбѣ преп. Серафима, по взаимной любви и согласію братіи, его замѣнилъ іеромонахъ Іеронимъ. Видя смиренномудріе преп. Серафима, діаволь воздвигъ на него гоненіе, поднялъ въ его душѣ мысленную брань и поддерживалъ борьбу эту съ такимъ натискомъ и силою, отъ которыхъ палъ нѣкогда великій во отцахъ Теофилъ, эконоомъ Адапской церкви. Въ тяжкомъ душевномъ обстояніи, отецъ Серафимъ обратился къ Господу Подвигположнику нашего спасенія Іисусу Христу и Пречистой Его Матери, а самъ рѣшился усилить свои иноческіе труды, чтобы, при помощи свыше, разрушить страшныя козни, діавола, повергшія его въ уныніе.

И онъ принялъ на себя новый молитвенный подвигъ.

Въ глухомъ Саровскомъ лѣсу, въ главномъ почти тогда притонѣ медвѣдей, на половинѣ пути отъ монастыря до дальней пустыньки старца, лежалъ необыкновенной величины гранитный камень. На этомъ камнѣ бодрствовалъ дивный труженикъ 1000 ночей

Молился онъ, стоя на колѣняхъ, съ воздѣтыми вверхъ руками, зывая мытаревымъ гласомъ:

— *Боже, милостивъ буди ми грѣшному!*

Другой камень, малый и дикій, который могутъ поднять чоловѣка четыре, о. Серафимъ положилъ въ своей келіи.

На немъ стоялъ неутомимый молитвенникъ 1000 дней.

Онъ совершилъ этотъ подвигъ страданія и борьбы съ духами злобы, торжествуя побѣду духа. Но отъ этого подвига въ ногахъ его явилась болѣзнь, онъ изгноился и изъ нихъ текла сукровица.

Онъ оставлялъ камни только для отдохновенія, отъ изнеможенія силъ и для подкрѣпленія себя пищею.

— Намъ все стараніе должно имѣть о душѣ, говорилъ преп. Серафимъ въ наставленіяхъ—тѣло же подкрѣпляется для того только, чтобы оно способствовало къ подкрѣпленію духа.

Если самовольно изнуримъ свое тѣло до того, что изнурится и духъ, то такое удрученіе будетъ безразсудное, хотя бы сіе дѣлалось для снисканія добродѣтели. Такой свѣтлый взглядъ былъ у преп. Серафима на подвижническую жизнь. Такъ онъ дѣйствовалъ. Онъ оставилъ моленіе на камняхъ, чтобы продолженіе этихъ подвиговъ не повело къ изнуренію силъ духа.

При концѣ своихъ дней, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобію другихъ подвижниковъ, въ числѣ прочихъ явленій своей жизни, онъ, въ назиданіе слушателямъ, рассказалъ и объ этомъ подвигѣ нѣкоторымъ изъ братій. Одинъ изъ Саровскихъ братій, удивляясь этому подвигу, замѣтилъ, что это выше силъ человѣческихъ.

— Святой Симеонъ Столпникъ сорокъ семь лѣтъ стоялъ на столпѣ,—сказалъ со смиреніемъ подвижникъ:—а мои труды похожи ли на его подвигъ?

— Въ этомъ подвигѣ,—прибавилъ инокъ:—конечно, для тебя ощутительна была помощь благодати укрѣпляющей.

— Да, — отвѣчалъ преподобный: — иначе силъ человѣческихъ не достало бы... Внутренно подкрѣплялся и утѣшался я этимъ небеснымъ даромъ, нисходящимъ свыше отъ Отца свѣтовъ... Когда въ сердцѣ есть умиленіе, то и Богъ бываетъ съ нами.

Діаволь былъ побѣжденъ преп. Серафимомъ, но въ покоѣ его не оставилъ. И вотъ онъ напустилъ на старца злыхъ людей.

Сентября 12 дня 1804 г. подошли къ старцу три неизвѣстные ему человѣка, одѣтые по крестьянски. Отецъ Серафимъ въ это время рубилъ дрова въ лѣсу.

Крестьяне, нагло подступивъ къ нему, требовали денегъ, говоря:

— Къ тебѣ ходятъ мірскіе люди и деньги носятъ.

— Я ни отъ бога ничего не беру, — отвѣчалъ старецъ.

Но они не повѣрили. Тогда одинъ изъ пришедшихъ кинулся на него сзади, хотѣлъ свалить его на землю, но вмѣсто того самъ упалъ.

Отъ этой неловкости злодѣи нѣсколько оробѣли, однако же не хотѣли отступить отъ своего намѣренія. Преп. Серафимъ имѣлъ большую физическую силу и, вооруженный топоромъ, могъ бы не безъ надежды обороняться. Но онъ вспомнилъ слова Спасителя *вси пріемшіе ножъ погибнутъ* (Мате. 26, 52), и не захотѣлъ сопротивляться. Онъ спокойно опустилъ на землю топоръ и сложилъ крестообразно на груди руки.

— Дѣлайте, что вамъ надобно, — сказалъ имъ кротко преп. Серафимъ. Онъ рѣшился претерпѣть все безвинно Господа ради.

Тогда одинъ изъ крестьянъ поднявши съ земли топоръ, обухомъ такъ крѣпко ударилъ преп. Се-

рафима въ голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Подвижникъ упалъ на землю и пришелъ въ безпамятство. Злодѣи потащили его по дорогѣ къ сѣнямъ келіи, яростно продолжая бить, кто обухомъ, кто деревомъ, кто своими руками и ногами. Они даже хотѣли его бросить въ рѣку Саровку. Но увидѣвъ, что онъ былъ точно мертвый, веревками связали ему руки и ноги и положивъ въ сѣняхъ, сами бросились въ келію, воображая найти въ ней несмѣтныя богатства. Въ убогомъ жилищѣ о. Серафима они очень скоро все перебрали, пересмотрѣли, разломали печь, разобрали полъ...

Они долго искали, и ничего для себя не нашли. Они видѣли у него только святую икону да попалось нѣсколько картофелю. Тогда какой-то страхъ напалъ на злодѣевъ, и они въ ужасѣ бѣжали вонъ.

Между тѣмъ преп. Серафимъ отъ страшныхъ ударовъ едва могъ придти въ чувство. Онъ кое-какъ развязалъ себя, поблагодарилъ Господа, что сподобился ради Его понести раны безвинно, помоллся, чтобы Богъ простилъ убійцъ. И проведя ночь въ келіи въ страданіяхъ, преп. Серафимъ на другой день съ большимъ трудомъ, но самъ пришелъ въ обитель во время литургіи. Видъ его былъ ужасенъ! Волосы на бородѣ и головѣ были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и соромъ; лицо и руки избиты; вышиблено нѣсколько зубовъ; уши и уста запеклись кровью; одежды измяты, окровавленныя, засохли и по мѣстамъ пристали къ ранамъ. Братія, увидѣвъ его въ такомъ положеніи, ужаснулись.

— Что такое случилось съ тобой; отецъ?—спрашивали они со страхомъ и тревогой.

Ни слова не отвѣчая имъ, преп. Серафимъ просилъ пригласить къ себѣ настоятеля о. Исаію и монастырскаго духовника, которымъ въ подробности и рассказалъ все случившееся. И настоятель и братія глубоко были опечалѣны страданіями старца. Преп. Серафимъ вынужденъ былъ остаться въ монастырѣ для поправленія здоровья.

Діаволь, воздвигшій злодѣевъ, повидимому торжествовалъ теперь побѣду надъ старцемъ, воображая, что навсегда изгналъ его изъ пустыни.

Первыя восемь сутокъ были тяжки для больного. Въ монастырѣ думали, что онъ не переживетъ свои страданія. Настоятель Исаія на седьмой день болѣзни послалъ въ Арзамасъ за врачами. Освидѣтельствовавши старца, врачи нашли его въ слѣдующемъ состояніи; голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тѣло по разнымъ мѣстамъ покрыто смертельными ранами. Они удивлялись, какъ этотъ старецъ могъ остаться въ живыхъ послѣ такихъ побоевъ. Врачи очень заботились о преп. Серафимѣ, собрали консилиумъ, долго разсуждали между собою и рѣшили, что ему необходимо подать помощь, какъ можно скорѣе. Отецъ Серафимъ съ глубокою признательностью въ сердцѣ примѣчалъ ихъ внимательность и попеченіе о себѣ. Когда происходило совѣщаніе врачей, преп. Серафимъ внезапно уснулъ. Сонъ его былъ краткій, тонкій и пріятный. Во снѣ онъ увидѣлъ дивное видѣніе. къ его постели съ правой стороны, подошла Пресвятая Богородица, въ царской порфирѣ, окруженная славою. За ней слѣдовали св. Апостолы Петръ и Іоаннъ Богословъ.

Остановившись у одра, Пресв. Дѣва перстомъ правой руки показала на больного и обратясь пре-